

Максим Зорин

Сибирская метель *в Сеуле*

Максим Зорин

Сибирская метель в Сеуле

«Автор»

2026

Зорин М.

Сибирская метель в Сеуле / М. Зорин — «Автор», 2026

Она выросла среди бескрайних снегов Сибири. Он принадлежал миру богатства, власти и строгих корейских традиций. Анна Соколова — молодая учительница, которая никогда не мечтала о роскошной жизни. Но однажды судьба приводит её в Сеул, где она встречает Кан Мин Джуна — человека, привыкшего управлять всем, кроме собственного сердца. Между ними целый мир: разные страны, культуры, привычки и представления о любви. Но что, если настоящие чувства способны растопить даже самый холодный лёд? История о любви, семейных тайнах, непростом выборе и двух судьбах, которым суждено встретиться. Автор: Максим Зорин

© Зорин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Письмо сквозь метель	6
Глава 2. Корейка на берегах Невы	11
Глава 3. Белые ночи для двоих	20
Глава 4. Маленькая Анечка	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сибирская метель в Сеуле

Глава

СИБИРСКАЯ МЕТЕЛЬ В СЕУЛЕ

Роман

Автор: Ольга Зорина

Глава 1. Письмо сквозь метель

Сибирь. Декабрь 2013 года.

Метель разыгралась ещё с вечера.

Ветер с такой силой бился в окна, словно кто-то огромный и сердитый пытался проникнуть в дом. Снег заметал дороги, прятал за белой пеленой заборы и крыши. Даже старые сосны за огородом гнулись под его напором.

— Ну и погода! — пробормотала Анна Соболева, поправляя сползший на глаза пуховый платок. — Настоящий конец света. Только всадников не хватает.

Она с трудом открыла калитку и протиснулась во двор.

— Пап! — крикнула девушка. — Ты где?

Из гаража донёсся знакомый голос:

— А ты где пропадала, учительница?

— На работе, между прочим! Детей грамоте учила!

— Судя по тому, как ты выражаешься, сначала бы самой подучиться!

Анна рассмеялась.

Из гаража вышел высокий широкоплечий мужчина лет пятидесяти. На висках уже серебрилась седина, но держался он прямо, уверенно. В посёлке Ивана Александровича Соболева уважали. Он руководил крупным лесоперерабатывающим предприятием, однако дома оставался обычным сибирским мужиком, который любил возиться с машиной и терпеть не мог бездельников.

— Ну что, замёрзла? — спросил он.

— Нет, пап. Я просто решила проверить, сколько градусов мороза выдерживает человеческое лицо.

Иван усмехнулся.

— Вся в мать...

Он произнёс это почти неслышно.

Анна не обратила внимания.

— Пошли домой. Мама, наверное, уже пироги испекла.

— Иди. Я сейчас.

Девушка побежала к крыльцу.

Иван ещё несколько секунд смотрел ей вслед.

Чёрные волосы выбились из-под платка. Узкие тёмные глаза, тонкие черты лица...

С каждым годом она всё сильнее напоминала ему женщину, которую он когда-то любил.

В доме пахло свежей выпечкой, жареным луком и крепким чаем.

— Анечка! — донёсся голос из кухни. — Сапоги снимай на коврике! Я только пол вымыла!

— Мам, я вообще-то соскучилась!

— Соскучилась она! А грязь за тобой кто убирать будет? Пушкин?

Анна заглянула на кухню.

У плиты стояла Зинаида Михайловна — невысокая, полноватая женщина с добрым круглым лицом. Волосы были собраны в пучок, поверх домашнего платья повязан цветастый фартук.

— Мамочка, любимая, единственная!

— Чего надо?

— Пирожок.

— Руки мой!

— Ну ма-а-ам!

— Анна Ивановна! Вы учитель или кто?

— Дома я голодный ребёнок!

Зина не выдержала и рассмеялась.

— Господи, двадцать четыре года девке, а ума как у пятилетней!

Она положила на тарелку два горячих пирожка.

— На, ешь. Только отцу оставь.

Анна обняла её сзади и поцеловала в щёку.

— Люблю тебя, мам.

Зина на мгновение замерла.

— И я тебя, доченька.

Она отвернулась к плите.

Анна не заметила, как изменилось лицо женщины.

Каждый раз, когда девушка называла её мамой, Зина испытывала одновременно счастье и страх.

Счастье — потому что вырастила эту девочку.

Страх — потому что однажды всё могло измениться.

Вечером метель усилилась.

Иван сидел в гостиной, просматривая рабочие документы. Зина вязала носки, время от времени поглядывая на телевизор.

Анна устроилась на диване с ноутбуком.

— Пап, а ты когда-нибудь был в Корее?

Иван поднял голову.

— С чего вдруг?

— Да вот смотрю фотографии. Красиво там. Сеул, огни, небоскрёбы... А ещё у них мужчины красивые.

— Наши чем плохи? — проворчал Иван.

— Наши хорошие. Только некоторые в гараже живут.

Зина прыснула со смеху.

— Слышал, Ваня? Дочь тебя раскусила!

— Вот вырастил на свою голову!

Анна повернула экран ноутбука.

— Смотрите, какой красавчик!

На фотографии был молодой корейский певец в чёрном сценическом костюме.

— Это Кан Мин Джун. Очень известный айдол.

— Кто? — переспросил Иван.

— Айдол, пап!

— Это болезнь какая-то?

Анна захохотала.

— Нет! Певец! Звезда!

Иван внимательно посмотрел на экран.

— Худой какой-то. Кормят его там вообще?

— Папа!

— Что папа? У нас на лесопилке неделю поработает — человеком станет.

Зина смеялась так, что выронила спицу.

Анна закрыла ноутбук.

— Всё! Никакой вам корейской культуры!

Но Иван уже не смеялся.

Слово «Корея» всколыхнуло в памяти то, что он много лет старался не вспоминать.

Ближе к девяти вечера в дверь постучали.

Три коротких удара.

— Кого там нелёгкая принесла? — удивилась Зина. — В такую-то пургу!

Иван пошёл открывать.

На пороге стоял почтальон Сергей, закутанный в шарф почти до глаз.

— Иван Александрович, добрый вечер!

— Здорово, Серёга! Ты чего по такой погоде шастаешь?

— Да письмо тут одно... Заказное. В отделении ещё днём получил, а сейчас домой ехал, решил завезти. Завтра опять заметёт.

— Проходи, погрейся.

— Не, спасибо. Жена ждёт.

Сергей протянул конверт.

— Только странное какое-то письмо. Из-за границы.

Иван взял его.

На белом конверте стояли иностранные штампы.

Республика Корея. Сеул.

Он почувствовал, как похолодели пальцы.

— Кому? — тихо спросил Иван.

— Анне Ивановне Соболевой.

Иван медленно поднял глаза.

— Ане?

— Ну да. Ей лично.

Когда Иван вернулся в гостиную, Зина сразу заметила его лицо.

— Ваня, что случилось?

Он молча положил конверт на стол.

— Ане письмо.

Девушка удивлённо подняла голову.

— Мне? От кого?

— Из Кореи.

— Из Кореи?!

Анна вскочила с дивана.

— Да ладно! Может, мой айдол решил на мне жениться?

Она рассмеялась, но никто не поддержал шутку.

Зина побледнела.

— Ваня... — прошептала она.

Иван посмотрел на жену.

В его взгляде появилось что-то тяжёлое, настороженное.

— Открывай, Аня.

Девушка осторожно разорвала край конверта.

Внутри лежали письмо на русском языке и фотография.

На снимке стояла молодая кореянка с длинными чёрными волосами.

Она держала на руках младенца.

Анна нахмурилась.

— Странно...

Она приблизила фотографию к свету.

— Пап, это ведь Со Ён? Та самая фотография, которую ты мне показывал?

Иван закрыл глаза.
Зина опустилась на стул.
Анна развернула письмо.
«Здравствуйте, Анна.
Меня зовут Пак Ха Ныль. Я живу в Сеуле.
Вы меня не знаете, но я очень надеюсь, что это письмо попадёт именно к вам.
Я долго искала вас и боюсь ошибиться.
Мою маму зовут Ким Со Ён. Много лет назад она училась в Ленинграде.
Там у неё родилась дочь.
Её называли Анной.
Если вы та самая Анна, пожалуйста, ответьте мне.
Потому что, возможно...
Вы моя старшая сестра».
Анна перечитала последние слова.
Один раз.
Второй.
Потом медленно подняла голову.
— Пап...
Иван молчал.
— Папа... Ты знал, что у меня есть сестра?
Зина закрыла лицо руками.
— Господи...
Анна посмотрела на неё.
— Мам? Ты чего?
Тишина стала такой тяжёлой, что было слышно, как потрескивают дрова в печи.
Наконец Иван произнёс:
— Я сам ничего об этом не знал, Анечка.
— Но почему она написала только сейчас? Почему мы столько лет ничего не слышали?
— Тогда слушай.
Он подошёл к окну.
За стеклом бесновалась метель.
Двадцать четыре года он прожил с воспоминанием о девушке, которую когда-то потерял.
Двадцать четыре года не знал, жива ли она, счастлива ли, вспоминает ли их маленькую дочь.
И теперь прошлое само постучало в его дверь.
— Папа, — голос Анны дрогнул, — значит, у Со Ён есть ещё дети? И эта девушка — моя сестра?
Иван повернулся.
Посмотрел на дочь.
На Зину.
И тихо сказал:
— Да, Аня. Похоже, это действительно твоя младшая сестра.
Девушка растерянно перевела взгляд на Зину.
— А мама... Со Ён знает, что мы получили письмо?
Зина заплакала.
Иван тяжело вздохнул.
— Пока не знаю, доченька. Но мы ответим. Ты давно знаешь, кто тебя родил, а вот о сестре слышишь впервые. И я тоже.

Анна смотрела на отца. Шесть лет назад она узнала о родной матери, но только сейчас впервые поверила, что за тысячи километров её кто-то по-настоящему ищет.

За окном ветер ударил в ставни.

А на столе лежало письмо из далёкой страны, где кто-то двадцать четыре года хранил память о маленькой девочке по имени Аня.

В ту ночь никто в доме Соболевых долго не мог уснуть.

Анна сидела у окна, прижимая к груди старую фотографию.

Зина тихо плакала на кухне.

А Иван впервые за много лет достал из нижнего ящика письменного стола маленькую пожелтевшую карточку.

На ней улыбалась молодая кореянка.

На обороте аккуратным почерком было написано:

«Моему Ване. Даже если нас разделят тысячи километров, помни: я всегда буду любить тебя. Твоя Со Ён».

Иван долго смотрел на знакомые буквы.

Потом провёл пальцем по фотографии и едва слышно произнёс:

— Где же ты была столько лет, моя девочка?..

Он ещё не знал, что ответ на этот вопрос находился гораздо ближе, чем он мог представить.

Глава 2. Корейнка на берегах Невы

Ленинград. Сентябрь 1988 года.

— Соболев! Да проснись ты, медведь сибирский!

Иван Александрович Соболев открыл один глаз.

Над кроватью нависло веснушчатое лицо его соседа по комнате — Генки Морозова.

— Чего орёшь?

— Восемь часов!

— Ну и что?

— А то, что у нас лекция в восемь тридцать!

Иван резко сел.

— Чего?!

— Того! Пока ты тут sny про своих сибирских медведей смотришь, преподаватель уже журнал открывает!

Иван вскочил с кровати, одной рукой натягивая брюки, другой пытаясь найти носки.

— Генка, где мой второй ботинок?!

— Откуда я знаю? Может, в Сибирь сбежал!

— Я тебе сейчас покажу Сибирь!

Через десять минут два студента вылетели из общежития.

Иван был высоким, широкоплечим парнем с русыми волосами и серыми глазами. В двадцать два года он выглядел старше своих лет. Спокойный, упрямый, привыкший к труду, он редко жаловался и никогда не отступал перед трудностями.

В Ленинград Иван приехал из небольшого сибирского посёлка. Его отец, Александр Петрович, руководил леспромхозом, мать, Мария Васильевна, преподавала в школе. Дома осталась младшая сестра Катя и соседская девчонка Зинка, которая ещё перед отъездом сунула ему в чемодан шерстяные носки.

— Чтоб ноги не мёрзли, Ванька!

— Зин, я не на Северный полюс еду.

— Всё равно возьми!

А потом вдруг поцеловала его в щёку и убежала.

Иван тогда только рассмеялся.

Он не подозревал, что Зинка плакала всю ночь после его отъезда.

Ленинград встретил студентов прохладным ветром и мелким дождём.

У входа в институт толпились молодые люди. Кто-то курил, кто-то торопливо дописывал конспект, кто-то обсуждал вчерашний фильм.

— Вань, смотри! — Генка толкнул друга локтем.

— Чего?

— Вон туда!

У широкой лестницы стояла девушка.

Невысокая, стройная, с длинными чёрными волосами. На ней были светлый плащ и аккуратные туфли. В руках она держала тетради и какой-то листок.

Девушка растерянно оглядывалась по сторонам.

— Иностранка, — шепнул Генка.

— Ну и что?

— Красивая!

— Глаза у тебя есть, вижу.

— Подойди познакомься!

— Сам подходи.

— Я английский плохо знаю.

— А я, по-твоему, министр иностранных дел?

Генка подтолкнул его вперёд.

Иван сделал шаг и едва не столкнулся с девушкой.

Тетради выпали из её рук.

— Ой! — испуганно воскликнула она.

— Извините!

Иван быстро присел, собирая разбросанные листы.

— Я не хотел.

Девушка тоже наклонилась.

Их головы столкнулись.

— Ай!

— Ох, прости!

Она подняла на него тёмные глаза.

И вдруг рассмеялась.

Смех у неё был удивительный — лёгкий, звонкий.

— Вы... очень большой, — произнесла она с заметным акцентом.

Иван растерялся.

— Это я ещё не завтракал.

Девушка непонимающе посмотрела на него.

Генка за спиной захохотал.

— Ванька, ты её напугал!

Иван протянул девушке тетради.

— Держите.

— Спасибо.

Она немного помедлила.

— Вы можете помогать?

— Могу. Что случилось?

Девушка показала листок.

— Я ищу... кафедра... инженерный... второй этаж? Или третий?

Иван посмотрел на расписание.

— Так тебе туда же, куда и нам!

— Нам? — переспросила она.

— Ну, мне и этому оболтусу.

Генка немедленно выпрямился.

— Геннадий Морозов! Можно просто Гена!

Девушка вежливо поклонилась.

— Ким Со Ён.

Иван повторил:

— Со... Ён?

— Да.

— А я Иван. Соболев Иван.

Она улыбнулась.

— Иван.

Почему-то собственное имя в её произношении показалось ему совершенно другим.

Мягким.

Почти ласковым.

Оказалось, что Со Ён приехала из Южной Кореи по программе обучения иностранных студентов.

Её русский язык был неплохим, но некоторые выражения ставили девушку в тупик.

Особенно когда рядом находился Генка.

— Ну что, Со Ён, как тебе наша общага? — спросил он во время перерыва.

— Об... щага?

— Общежитие, — перевёл Иван.

— А-а! Очень хорошо!

— Кормят нормально?

— Да. Но ваша каша...

Она задумалась.

— Очень... странная.

— Чем же? — заинтересовался Генка.

— Она не знает, хочет быть супом или рисом.

Иван громко рассмеялся.

— Это ты ещё нашу столовскую перловку не пробовала!

— Пер... ловку?

— Лучше не надо, — серьёзно сказал он. — Побереги здоровье.

Со Ён тоже засмеялась.

С этого дня они начали здороваться.

Потом разговаривать на переменах.

А вскоре Иван заметил, что каждое утро невольно ищет глазами знакомую фигурку в светлом плаще.

Однажды после занятий Со Ён сидела в библиотеке над толстой книгой.

Иван проходил мимо и заметил, что девушка почти плачет.

— Ты чего?

Она подняла голову.

— Я ничего не понимаю.

— Что именно?

— Вот это.

Она ткнула пальцем в страницу.

Иван посмотрел.

Технический текст был сложным даже для него.

— А-а, сопромат...

— Сопро... что?

— Сопротивление материалов.

Со Ён тяжело вздохнула.

— Я думаю, материалы сопротивляются, потому что не хотят, чтобы я их изучала.

Иван расхохотался так громко, что библиотекарь строго посмотрела на него поверх очков.

— Молодой человек!

— Извините!

Он сел рядом.

— Давай разбираться.

Два часа Иван объяснял ей формулы, чертил схемы и рисовал балки.

Со Ён внимательно слушала.

Иногда хмурилась.

Иногда радостно восклицала:

— А! Теперь понимаю!

Когда библиотека начала закрываться, девушка аккуратно сложила тетради.

— Иван, спасибо.

— Да не за что.

— Вы очень добрый.

Он смутился.

— Нормальный я.

— Нет. Очень добрый.

Она посмотрела на него так искренне, что Иван неожиданно отвёл глаза.

Осень постепенно вступала в свои права.

Жёлтые листья кружились над набережными, холодный ветер гулял вдоль Невы.

Однажды после занятий Иван предложил:

— Со Ён, хочешь город покажу?

— Какой город?

— Ленинград, конечно!

Она засмеялась.

— Я уже здесь живу!

— Жить и видеть — разные вещи.

Они долго гуляли по улицам.

Иван показывал ей старинные здания, рассказывал о Петре Первом, о блокаде Ленинграда, о том, как город выстоял во время войны.

Со Ён слушала внимательно.

У Дворцовой набережной она остановилась.

— Очень красиво...

Ветер растрепал её волосы.

Иван снял свой шарф.

— На, надень.

— А ты?

— Я сибиряк. Мне тепло.

Она недоверчиво посмотрела на него.

— У тебя нос красный.

— Это от красоты окружающей природы.

Со Ён рассмеялась.

Но шарф взяла.

Он был большой, тёплый, пах табаком и морозным воздухом.

Девушка осторожно обмотала его вокруг шеи.

— Спасибо, Ваня.

Иван замер.

Она впервые назвала его Ваней.

Не Иваном.

А Ваней.

И почему-то именно в эту секунду он понял, что начинает влюбляться.

Через несколько дней Со Ён пригласила его в гости.

— Я приготовлю корейскую еду.

— А что у вас едят?

— Рис. Мясо. Овощи. Кимчи.

— Ким... чего?

— Кимчи!

— Это фамилия твоего родственника?

Со Ён рассмеялась.

— Нет! Это капуста!

— Капуста? Ну капустой сибиряка не удивишь!

Как же он ошибался.

Вечером Иван сидел за столом в комнате общежития для иностранных студентов.

Перед ним стояла тарелка с красной капустой.

— Ешь, — улыбнулась Со Ён.

Иван уверенно взял вилку.

— Ну, за международную дружбу!

Он отправил в рот большую порцию.

Сначала ничего не произошло.

Потом его лицо покраснело.

Глаза округлились.

Он замер.

— Ваня? — встревожилась Со Ён.

Иван попытался ответить.

Но вместо слов издал странный звук.

— Воды! — прохрипел он.

Со Ён испуганно подала стакан.

Иван выпил его залпом.

Потом второй.

Потом третий.

— Господи! — выдохнул он. — Вы что, в Корее огонь едите?!

Со Ён смотрела на него несколько секунд.

А потом начала смеяться.

Так сильно, что едва не упала со стула.

— Это не очень остро!

— Не очень?!

Иван вытер слёзы.

— Да у нас таким можно медведя из берлоги выгнать!

Со Ён смеялась ещё громче.

Иван смотрел на неё.

На её счастливое лицо.

На тёмные глаза.

На волосы, рассыпавшиеся по плечам.

И вдруг подумал:

«Какая же она красивая...»

В конце октября выпал первый снег.

Неожиданно, за одну ночь.

Утром Со Ён стояла у окна общежития и смотрела на белые крыши.

Когда Иван пришёл за ней, девушка радостно выбежала навстречу.
— Ваня! Снег!

— Вижу.

— Как красиво!

— Это ты ещё сибирского не видела.

— А какой он?

— По пояс.
Она широко раскрыла глаза.
— Правда?!

— Иногда и выше.

— Ты шутишь!

— Вот приедешь ко мне домой — сама увидишь.
Слова вырвались неожиданно.
Со Ён перестала улыбаться.
— Домой?

Иван смутился.
— Ну... в Сибирь.
Она посмотрела на него.
— Ты хочешь, чтобы я приехала?
Он медленно кивнул.
— Очень.
Несколько секунд они молчали.
Потом Со Ён осторожно взяла его за руку.
Её пальцы были холодными.
Иван крепко сжал маленькую ладонь.
— Замёрзла?

— Немного.
Он притянул её ближе.
— А теперь?
Со Ён подняла голову.
— Теперь нет.

Первый поцелуй получился неловким.
Иван случайно задел её нос.
Она засмеялась.
Он тоже.
А потом поцеловал её снова.
Уже осторожно.
Нежно.
И где-то над Ленинградом медленно кружились первые снежинки.

В тот вечер Со Ён впервые рассказала Ивану о своей семье.
О богатом доме в Сеуле.
О строгом отце.
О матери, которая никогда не спорила с мужем.
О том, что её будущее было расписано родителями задолго до её рождения.
— Папа хочет, чтобы я вышла замуж за человека, которого он выберет, — тихо сказала девушка.

Иван нахмурился.
— А ты сама чего хочешь?
Она посмотрела на него.
— Я хочу сама выбирать.

— Ну и выбирай.

— У нас не всё так просто, Ваня.
Он помолчал.
Потом взял её за руку.
— Со Ён, я не знаю ваших корейских порядков. Но у нас в Сибири говорят: чужую жизнь за человека не проживёшь.

Она улыбнулась.
— Красиво говоришь.

— Это я ещё не старался.
Со Ён рассмеялась.
А потом вдруг стала серьёзной.
— Ваня... если мой отец узнает про тебя, он будет очень злиться.

— Пусть злится.

— Ты не понимаешь.

— Тогда объясни.
Она опустила глаза.
— Я боюсь, что однажды мне придётся уехать.
Иван обнял её.
— Тогда я буду ждать.

— А если долго?

— Значит, долго.

— А если очень долго?
Он улыбнулся.
— Со Ён, я сибиряк. У нас зима по полгода. Ждать умеем.
Она прижалась к его груди.
Иван не видел её лица.

Не видел слёз, которые девушка старалась скрыть.

А Со Ён уже тогда понимала: любовь к русскому парню может стоить ей всего, что она знала с детства.

Но отказаться от него она больше не могла.

За окном падал снег.

Ленинград засыпал.

А где-то далеко, в Сеуле, в большом доме за высоким каменным забором, строгий мужчина рассматривал письмо из Советского Союза.

На конверте стояло имя его дочери.

Ким Со Ён.

Мужчина медленно положил письмо на стол.

— Значит, у неё появился русский парень...

Он поднял телефонную трубку.

— Подготовьте документы. Возможно, моей дочери придётся вернуться домой раньше срока.

Конец второй главы.

Глава 3. Белые ночи для двоих

Ленинград. Май 1989 года.

Весна в Ленинграде наступала медленно, словно боялась потревожить старый город. Ещё недавно по тротуарам бежали грязные ручьи, а теперь на деревьях распускались молодые листья, и воздух пах влажным камнем, сиренью и приближающимся летом.

Иван Соболев стоял у входа в общежитие иностранных студентов с букетом тюльпанов.

Цветы он купил на последние деньги.

— Ванька, ты совсем рехнулся? — возмущался Генка, когда узнал о покупке. — Нам до стипендии ещё неделя!

— Проживём.

— На чём?!

— На картошке.

— Картошку тоже покупать надо!

— У тебя же мать мешок прислала.

— Так это мне!

— Ну вот и поделишься с другом.

Генка посмотрел на него с укоризной.

— Погубит тебя эта корейка.

Иван только улыбнулся.

— Может, и погубит.

Он уже давно перестал представлять свою жизнь без Со Ён.

За несколько месяцев девушка стала для него самым близким человеком. Они вместе готовились к занятиям, гуляли по городу, спорили о музыке, смеялись над собственными ошибками.

Со Ён научила Ивана нескольким корейским словам.

Правда, произносил он их так, что девушка иногда хваталась за живот от смеха.

Особенно слово «саранхэ».

— Са... ран... хе, — старательно повторял Иван.

— Нет, Ваня! Саранхэ!

— Да я так и сказал!

— Ты сказал совсем другое!

— Ну и что я сказал?

Со Ён покраснела.

— Лучше тебе не знать!

Иван обнял её.

— Тогда переведи правильно.

Девушка посмотрела ему в глаза.

— Это значит «я тебя люблю».

Он улыбнулся.

— Тогда я буду говорить это каждый день.

Со Ён вышла из общежития в светлом платье.

Увидев цветы, она остановилась.

— Ваня! Это мне?

— Нет, Генке. У него сегодня день рождения.

Она рассмеялась.

— Ты невозможный!

— Зато красивый.

— Кто тебе сказал?

— Мама.

Со Ён взяла букет и осторожно коснулась губами его щеки.

— Спасибо.

Они пошли вдоль Невы.

Город готовился к белым ночам. Солнце всё позже уходило за крыши, а вечерами небо становилось нежно-розовым.

— Ваня, — неожиданно спросила Со Ён, — а какая у тебя Сибирь?

— Большая.

— Я серьёзно!

— И я серьёзно. Леса там такие, что заблудишься — неделю искать будут.

— Страшно?

— Нет. Красиво.

Он немного помолчал.

— Зимой снег по колено. Мороз такой, что ресницы смерзаются. А летом река тёплая, ягоды, грибы... У нас дом большой. Отец строгий, но справедливый. Мать учительница. Сестра Катька — та ещё командирша.

— А ещё кто?

— Зинка.

Со Ён повернула голову.

— Кто такая Зинка?

— Соседка. Вместе выросли.

— Красивая?

Иван усмехнулся.

— Обычная.

— А она тебя любит?

Он остановился.

— С чего ты взяла?

— Просто спрашиваю.

— Да ну тебя! Зинка мне как сестра.

Со Ён ничего не ответила.

Только крепче взяла его под руку.

В тот вечер они долго сидели на набережной.

Мимо проходили влюблённые пары, где-то играла гитара, по Неве медленно шёл прогулочный теплоход.

— Ваня, — тихо сказала Со Ён, — а ты веришь, что люди могут любить друг друга всю жизнь?

— Верю.

— Даже если они из разных стран?

— А какая разница?

— Большая.

Она опустила глаза.

— Мой отец никогда не согласится на наш брак.

Иван нахмурился.

— Мы же взрослые люди.

— Ты не знаешь моего отца.

— Так познакомимся.

Со Ён испуганно посмотрела на него.

— Нет!

— Почему?

— Ваня, пожалуйста. Не сейчас.

Он взял её за руку.

— Послушай меня. Я тебя люблю. И не собираюсь прятаться всю жизнь.

Девушка молчала.

Тогда Иван достал из кармана маленькую коробочку.

Со Ён замерла.

— Что это?

— Открой.

Внутри лежало простое серебряное колечко.

Недорогое, с маленьким голубым камнем.

— Ваня...

— Я знаю, что у тебя дома богатая семья. И что я пока обычный студент. Но я закончу институт, буду работать. У нас в Сибири есть дом, родители помогут. А потом свой построим.

Со Ён смотрела на кольцо.

— Ты... предлагаешь мне выйти за тебя?

Иван смутился.

— Ну да. Только я хотел красиво сказать, а получилось как всегда.

Она вдруг заплакала.

— Эй, ты чего?

— Ваня...

— Если не хочешь, я пойму.

Со Ён бросилась ему на шею.

— Хочу! Очень хочу!

Он обнял её так крепко, что она рассмеялась сквозь слёзы.

— Задушишь!

— Не задую. Ты мне ещё детей рожать будешь.

Она покраснела.

— Ваня!

— А что? Я троих хочу.

— Троих?!

— Ну ладно, четверых.

— Ты сумасшедший!

— Сибиряк.

Он надел ей кольцо.

И впервые в жизни Со Ён почувствовала, что её будущее принадлежит только ей.

В июне они стали жить вместе.

Иван снял небольшую комнату у пожилой женщины по имени Антонина Павловна.

Хозяйка сначала недоверчиво посмотрела на корейскую девушку.

— Иностранка, значит?

— Да, — ответил Иван.

— А готовить умеет?

— Умеет.

— Борщ?

Иван задумался.

— Научится.

Антонина Павловна вздохнула.

— Ох, молодёжь...

Но уже через неделю называла Со Ён «Сонечкой» и учила её лепить пельмени.

— Тесто тоньше раскатывай, деточка!

— Так?

— Вот! Умница!

Иван возвращался с занятий и заставал удивительную картину: две женщины сидели за столом, лепили пельмени и обсуждали его недостатки.

— Ваня носки разбрасывает, — жаловалась Со Ён.

— Все мужики такие! — уверенно отвечала хозяйка.

— И посуду не моет!

— А ты заставляй!

Иван стоял в дверях.

— Я вообще-то всё слышу!

— Вот и хорошо! — хором отвечали женщины.

Лето оказалось самым счастливым временем в их жизни.

Денег почти не было.

Иногда они ужинали одной картошкой.

Иногда Иван подрабатывал разгрузкой вагонов, чтобы купить Со Ён фрукты или новое платье.

Она ругалась:

— Ваня, тебе учиться надо!

— Успею.

— Ты устаёшь!

— Зато ты улыбаешься.

По вечерам они сидели у открытого окна.

Со Ён читала русские книги, а Иван чертил схемы.

Иногда он откладывал карандаш, подходил к ней и просто обнимал.

— Что? — спрашивала девушка.

— Ничего.

— Тогда почему смотришь?

— Нравишься.

Она смеялась.

— Ты странный русский.

— А ты моя странная корейка.

И они были счастливы.

Так счастливы, как бывают только люди, которые ещё не знают, что судьба уже готовит им испытание.

В конце августа Со Ён впервые почувствовала себя плохо.

Утром она не смогла позавтракать.

Запах жареной картошки вызвал у неё тошноту.

— Сонечка, ты не заболела? — встревожилась Антонина Павловна.

— Не знаю...

Хозяйка внимательно посмотрела на девушку.

— А ну-ка, деточка, скажи мне одну вещь...

Со Ён покраснела.

Через несколько дней она вернулась из женской консультации с маленьким листком бумаги.

Иван сидел за столом, готовясь к занятиям.

— Ваня...

— М?

— Мне надо тебе кое-что сказать.

Он поднял голову.

Увидел её бледное лицо.

— Что случилось?

Со Ён протянула ему справку.

Иван прочитал.

Потом ещё раз.

Поднял глаза.

— Это что?..

Она тихо произнесла:

— У нас будет ребёнок.

Несколько секунд Иван сидел неподвижно.

Со Ён испугалась.

— Ваня... ты не рад?

Он медленно встал.

Подошёл к ней.

— Повтори.

— Я беременна.

Иван вдруг подхватил её на руки.

— Господи! Сонька!

— Ваня! Поставь!

— У нас ребёнок!

Он закружил её по комнате.

— Ваня, мне плохо!

— Ой!

Он осторожно поставил девушку на пол.

А потом опустился перед ней на колени и прижался щекой к её животу.

— Здравствуй, маленький...

Со Ён заплакала.

Иван поднял голову.

— Ты чего?

— Я боюсь.

— Чего?

— Отца.

Он встал и обнял её.

— Послушай. Теперь нас трое. И никому я вас не отдам.

В тот вечер Иван написал домой письмо.

«Мама, папа, у меня для вас большая новость. Я скоро женюсь. Мою девушку зовут Со Ён. Она кореянка. И ещё... вы скоро станете бабушкой и дедушкой».

Письмо получилось коротким.

Зато Генка, узнав новость, едва не свалился со стула.

— Соболев! Ты чего натворил?!

— Ребёнка.

— Это я понял! А дальше?!
— Женюсь.
— На кореянке?!
— Нет, Генка. На тебе. Только ты сначала побрейся.
Генка махнул рукой.
— Дурак!
Но потом крепко обнял друга.
— Поздравляю, Ванька.

В начале сентября Со Ён получила письмо из Кореи.
Плотный конверт с гербом семейной компании.
Она узнала почерк отца.
Письмо было коротким.

«Со Ён. До меня дошли сведения, что ты живёшь с русским мужчиной. Немедленно прекрати эти отношения. Ты забываешь, кто ты и какой семье принадлежишь. В ближайшее время я ожидаю твоего возвращения в Сеул. Отец».

Со Ён долго сидела неподвижно.
Потом спрятала письмо в ящик стола.
Иван ничего не заметил.
Вечером он принёс домой маленькие детские носочки.
— Смотри, какие!
Со Ён улыбнулась.
— Ваня, ребёнок ещё даже не родился.
— А что? Пусть знает, что его ждут.
Она взяла носочки.
Маленькие.
Белые.
Совсем крошечные.
И вдруг поняла, что впервые в жизни боится не за себя.
Она боялась за Ивана.
За ребёнка.
За их маленькое счастье.

В ту ночь Со Ён долго не спала.
Иван лежал рядом, обнимая её во сне.
За окном шумел дождь.
Девушка осторожно коснулась его руки.
— Ваня... — прошептала она.
Он что-то пробормотал во сне и прижал её ближе.
Со Ён закрыла глаза.
Она ещё не знала, как поступит.
Но одно понимала совершенно ясно.
Если отец заставит её выбирать между семьёй в Корее и любимым человеком, она впервые в жизни ослушается его.
По крайней мере, тогда она в это верила.
А далеко, в Сеуле, Ким Ён Чхоль, отец Со Ён, уже отдавал распоряжения своему помощнику.
— Узнайте всё об этом русском. Где живёт, кто его родители, чем занимается.
— Господин Ким, а если ваша дочь откажется возвращаться?

Мужчина холодно посмотрел на помощника.

— Тогда мы найдём способ убедить её.

Он положил на стол фотографию, сделанную возле ленинградского института.

На снимке Иван Соболев обнимал улыбающуюся Со Ён.

Ким Ён Чхоль долго смотрел на них.

Затем перевернул фотографию лицом вниз.

— Моя дочь не станет женой бедного русского студента.

Конец третьей главы.

Глава 4. Маленькая Анечка

Ленинград. Декабрь 1989 года.

— Ванька! Да перестань ты ходить туда-сюда! У меня уже голова кружится!

Генка Морозов сидел на деревянной скамейке в коридоре родильного дома и наблюдал, как его лучший друг в двадцатый раз проходит от окна до двери.

— Сколько времени прошло? — спросил Иван.

— Семь минут.

— А до этого?

— Шесть!

— Генка, я серьёзно!

— И я серьёзно! Ты уже третий час по этому коридору маршируешь. Скоро пол протрёшь!

Иван остановился. В руках он держал маленький свёрток — белую детскую шапочку, которую купил накануне.

— Как думаешь, всё нормально?

Генка вздохнул.

— Вань, ты меня уже десятый раз спрашиваешь.

— Ну и что?

— А то, что я инженер, а не акушер!

Иван сел. Через секунду снова вскочил.

— Пойду узнаю.

— Сядь!

— Да отстань ты!

Генка покачал головой.

— Вот ведь сибирский медведь. Ни морозов не боится, ни экзаменов, а тут совсем голову потерял.

Иван его почти не слышал. За закрытой дверью находилась Со Ён. Его Сонечка. Его любимая девочка. И их ребёнок.

Всё началось ночью. Со Ён разбудила Ивана осторожным прикосновением.

— Ваня...

— М-м...

— Ваня, проснись.

— Что случилось?

— Кажется... пора.

Иван открыл глаза.

— Куда пора?

— Рожать, Ваня!

Он сел так резко, что ударился головой о спинку кровати.

— Что?!

Со Ён, несмотря на боль, рассмеялась.

— Ты хотел ребёнка? Вот он и собирается!

Следующие десять минут превратились в настоящий переполох. Иван пытался одновременно надеть брюки, найти документы, вызвать скорую помощь и вспомнить, куда положил собранную сумку.

Антонина Павловна появилась в дверях в ночном халате.

— Господи, что за шум?!

— Рожаем! — крикнул Иван.

— Кто рожает?!

— Мы!

Хозяйка всплеснула руками.

— Да ты-то куда собрался рожать, дурень?!

Со Ён сидела на кровати и смеялась сквозь слёзы.

— Ваня, пожалуйста, успокойся!

— Я спокоен!

В этот момент он уронил на пол телефонную трубку.

Антонина Павловна решительно отодвинула его.

— Дай сюда! Сейчас сама вызову скорую. А ты жене сапоги принеси!

В родильном доме Иван впервые почувствовал себя совершенно беспомощным. Он привык решать проблемы. Если ломалась машина — чинил. Если не хватало денег — находил подработку. Если возникали трудности с учёбой — садился за книги.

Но сейчас он ничего не мог сделать. Только ждать. И молиться, хотя раньше почти никогда этого не делал.

«Господи, пусть с ними всё будет хорошо. Больше ничего не надо».

Наконец дверь открылась. В коридор вышла пожилая акушерка.

— Соболев!

Иван подскочил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.